

полноценную жизнедеятельность и взаимодействуют друг с другом не в отцифрованном, а в стремительно меняющемся, проблематичном и полном всевозможных рисков мире.

Для граждански активной части студенческой молодежи в меньшей степени характерны патерналистское сознание, чем для представителей пассивно-ориентированных молодых людей. Инициативные студенты в меньшей степени подвержены пессимистическим и паническим настроениям в условиях ухудшающейся социально-экономической обстановки в стране. Они более оптимистично смотрят в будущее, рассчитывая прежде всего на себя, на свои силы, свою профессиональную подготовку. Их энергия направлена на защиту самостоятельного существования, которое зависит от их собственных усилий, от приобретенных в вузе компетенций, в том числе навыков гражданского самоопределения.

Формирование зрелого гражданского общества в России требует сегодня решения целого ряда проблем в области гражданского воспитания. В этой ситуации задача социально-гуманитарного образования заключается в том, чтобы сформировать у студенческой молодежи гражданское сознание, в основе которого лежат интегративные знания о гражданском обществе и правовом государстве, об общественных нормах и законах, о гражданских правах и обязанностях, которые помогут ей стать активным участником общественно-политических и социально-экономических процессов.

Список литературы:

1. Вишневский Ю. Р., Певная М. В. Оценка реформирования российского образования с позиции потребителей образовательных услуг / Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная // Социум и власть. – 2011. – 1(29). – С. 15-19.
2. Липская Л. А. Гражданская культура и социализация студенческой молодежи: монография / Л. А. Липская. – Челябинск : Уральская академия, 2012. – 176 с.
3. Зырянов С. Г. Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в Челябинской области в 2014 году / С. Г. Зырянов // Социум и власть. – 2014. – № 6. – С. 8-21.
4. Савченко Д. С. Гражданское сознание студентов мегаполиса и провинции: опыт сравнительного анализа / Д. С. Савченко // Вопросы культурологии – 2013. – №9. – С. 40-44.

УДК 316.37

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Макарова Людмила Витальевна
кандидат социологических наук, доцент
Российский государственный социальный университет, Москва
E-mail: makarovalv66@gmail.com

TRANSFORMATION OF NORMATIVE PERSONALITY IN RUSSIAN SOCIETY

Liudmila Makarova
Candidate of Science, assistant professor of
Russian State Social University, Moscow

АННОТАЦИЯ – Целью исследования является выявление характеристик нормативной личности в различные периоды истории российского общества. Автор применял метод сравнительного анализа и метод глубинного интервью. Результатом исследования являются конструкты нормативной личности на концептуальном и социально-практическом уровнях.

ABSTRACT – The aim of the study is to identify the characteristics of normative personality in the different periods of the history of Russian society. The author's methods are comparative

analysis and in-depth interview method. The result of the study are normative personality constructs on the conceptual and practical levels.

Ключевые слова: нормативная личность, российское общество, социальные изменения, личная известность.

Keywords: normative personality, Russian society, social change, personal fame

Понимание личности можно представить в качестве своего рода маркера социологической теории и социальной практики. Именно через концепт личности происходит переход от теоретических конструктов к реальной социальной практике, формируются мотивация поведения и социальные установки субъектов социального действия. В истории развития социальной мысли в России накопилось достаточно данных для анализа различных пониманий концепта личности, а самое главное – социальных практик с ними связанных.

Тем не менее, в тематике социальной динамики субъективная составляющая занимает особое место и является, пожалуй, самой сложной для эмпирических исследований. В социологии социальных изменений более всего представлены маркеры изменений в экономической сфере жизни общества – широко известные теории волн (Э. Тоффлер), марксистская концепция общественно-экономических формаций и другие. Что же касается маркеров политических, социальных и духовных изменений, то с ними дело обстоит несколько сложнее, а изучение трансформации типа личности требует интегрального подхода. Тем не менее, тот же Э. Тоффлер подчеркивает необходимость понимания влияния социальных изменений на личность: «глупо полагать, что фундаментально изменившиеся материальные условия жизни не затрагивают личность или, точнее, социальный характер. Изменяя глубинные структуры общества, мы также изменяем людей» [1; 680].

Как же меняются социальные императивы, которые вызывают изменения личности? Обладает ли содержание этой императивности преемственностью или происходит радикальный разрыв с прошлым и нужно ожидать изменения фундаментальных личностных свойств?

Возможности применения понятия нормативной личности, как совокупности императивных характеристик, предлагаемых личностью определенной культурой, подвергаются сомнению относительно сложных обществ. Тем не менее именно российское общество предоставляет уникальные возможности для исследования трансформации социальных императивов, предъявляемых личности и построенного на них социального идеала личности, поскольку в истории России можно наблюдать очень резко выраженную, обозначенную четкими временными границами смену социальных императивов, предъявляемых личности и связанных с ними социальных практик.

Таким образом, в российской социальной мысли и социальной практике можно выделить следующие периоды: дореволюционный, советский и современный и связанные с ними три направления российской социальной мысли, формирующие систему императивов для нормативной личности: религиозное, социалистическое и либеральное. Рассмотрим каждый из этих периодов с точки зрения содержания характеристик нормативной личности.

Дореволюционный период (религиозное направление, святость как нормативный тип). Религиозное направление представления о нормативной личности строится на аксиологической базе Православия и представлено в первую очередь славянофилами и представителями русской религиозной философии: Вл. Соловьевым, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, И. А. Ильиным. Личность в качестве субъекта социального действия в теологическом направлении рассматривается как источник духовности, освящающий мир, в качестве объекта социального воздействия личность подвержена воспитанию. Важно отметить, что в религиозном концепте нормативной личности не признается возможность полного, гарантированного воздействия на личность, также как со стороны личности невозможно полное освящение, преобразование мира в Царствие небесное. Тут признается своего рода разрыв, постоянный болезненный конфликт между

личностью и обществом, символическим выражением которого является несение креста. Способом связи личности и общества в религиозном контексте является нравственность, иными словами, чтобы войти в общество, от конкретного человека требуются добродетели как основа нравственности: целомудрие, нестяжание, кротость, милосердие, смирение. В православной теологии подробно разработано учение о добродетелях (в частности, святителя Игнатия Брянчанинова [2, С.168-176]).

Нормативная личность представлена в религиозном направлении как человек, достигший святости как совокупности добродетелей или хотя бы стремящийся к ней. Критерием святости как способа социального действия является спасение, в первую очередь личное спасение. Конечно, спасение не поддается строго формальному измерению, вопрос о причислении к лику святых очень непростой, но этот вопрос решается соборно и уже такой способ его решения показывает, что вопрос спасения имеет общественное измерение, если конфессию понимать как особый способ общественной организации. Из святости как способа социального действия возникает специфическая социальная или вернее, духовно-социальная практика – старчество. Старчество держится на духовном авторитете определенного человека и фактически социальный проект Святой Руси возникает вокруг этих людей постольку, поскольку устанавливается связь с их святостью (искание и следование советам, пожертвования на обители и благотворительность, распространение информации, защита и служение – послушание в самом широком смысле). Собственно и личность любого начальствующего, в первую очередь царя воспринимается как духовный авторитет в сфере управления. Такое восприятие было распространено отнюдь не только в народной среде, так, например, воспринял волю Николая I А. С. Пушкин, когда император не разрешил ему переселиться в деревню. Собственно, с историческим искажением, обрывом такого восприятия и заканчивается ведущая роль религиозной концепции личности в российской социальной практике. При этом, сама религиозная концепция личности, безусловно, не исчезает, теологический дискурс личности не только не пресекается, но значительно расширяется, пересекаясь с другими направлениями социальной мысли, а практика старчества продолжается и в зарубежной России, и в России советской.

Очевидно, что для эмпирического изучения нормативной личности в дореволюционном российском обществе метод опроса неприменим. До революции 1917 г. в российском обществе сложились определенные социальные практики воспроизводства личной нормативности. Н. Бердяев [3; 86-140] выделяет следующие уровни таких практик – законнический, искупительный и творческий. К практикам законнического типа можно отнести специфические для этого этапа правовые нормы, поддерживающие формальную сторону православной религиозности. Это, например, запреты на вступление в брак или занятие государственных должностей без церковной справки о говении, изучение закона Божьего в учебных заведениях. К искупительным социальным практикам можно отнести различное служение: семье, отечеству, царю, искусству и т.п. К творческим социальным практикам, связующим личность и общество, относится прежде всего достижение святости и почитание святых. Взаимодействие общества и личности, которое обеспечивается такими практиками держится на действительной личной религиозности и поддерживается, главным образом, социальными институтами семьи и церкви. Соответственно в дореволюционный период нормативную личность можно описать как совокупность христианских добродетелей: смирения, кротости, скромности, самоотверженности, терпения.

Советский период (социалистическое направление, трудящийся как нормативный тип). В социалистическом направлении российской социальной мысли личность понимается как субъект не просто социальных, а революционных, исторически-масштабных социальных изменений. Пролетарий как социальный тип личности призван не просто осуществить переход человечества из одной исторической формации в другую, а выполнить задачу полного и окончательного уничтожения социального неравенства. Способом социального действия для такой личности является труд и подвиг. Общество со своей стороны, воздействует на личность путем агитации, пропаганды, всех видов идеологической

обработки, общество формирует новый нормативный тип – тип человека трудящегося. Универсальной социальной практикой для личности идейного трудящегося является коллективизм [4, С. 48] и, соответственно, коммунизм как социальный проект должен был представлять собой ассоциацию трудовых коллективов. В общих чертах социалистическую модель можно представить так: личностью человек становится, пройдя определенную идеологическую обработку (в детских организациях) и ценится обществом тем больше, чем больше трудится (совершает подвиги) на благо коллектива. В научном коммунизме тема личности и труда является одной из ведущих, широко обсуждались и исследовались самые различные аспекты этой темы: гармонизация личности путем различных видов труда, труд и досуг, коллектив как носитель трудовых норм.

Советский период российской истории представляет собой реализацию концепта взаимосвязи личности и общества через общественно полезный труд. Личность понималась прежде всего как субъект трудовой деятельности – от каждого по способностям, каждому по труду. Соответственно, существовал целый ряд социальных практик, поддерживающих именно трудовую деятельность личности. К таким социальным практикам относятся: школьное трудовое воспитание – учебно-производственные комбинаты, в которых старшеклассники получали рабочие профессии, трудовые школьные и студенческие лагеря, субботники. Весьма распространено было и применение негативных санкций к тем, кто не трудился в народном хозяйстве. Тунеядство стало в СССР не просто морально осуждаемым, но преступным поведением. Первая советская Конституция лишала политических прав, лиц, живущих на нетрудовые доходы, сталинская конституция провозглашала принцип: «кто не работает, тот не ест» и, наконец, знаменитый указ Президиума Верховного Совета усиливал борьбу «с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Даже в период перестройки одной из попыток наладить экономическую систему был «Закон о нетрудовых доходах».

В качестве эмпирического исследования нормативной личности советского периода автором был проведен опрос россиян, родившихся до 1970 г., то есть социализировавшихся еще в советской системе (метод глубинного интервью, открытый вопрос «Какие требования со стороны общества предъявлялись Вам в советское время?»). Опрос показал, что все без исключения респонденты называют в качестве социального императива трудолюбие. Другие качества распределяются следующим образом: уважение к старшим, ветеранам; ответственность; человечность, доброта; бескорыстие; коллективизм; дисциплинированность; партиотизм; скромность. Очевидно, что большая часть этих качеств имеет преемственность по отношению к христианским добродетелям, но уже без религиозного наполнения. Так, например, аскетическое воздержание трансформируется в дисциплинированность. Существует ли преемственность между советским человеком, трудящимся как нормативным типом личности и современным концептом личной нормативности?

Современный период (либеральное направление, успешная личность). Третья концепция личности в российской социальной мысли развивается в русле позитивизма, а на идеологическом уровне – либерализма. С начала 1990-х гг. именно эта концепция вышла на уровень ведущей в легитимации власти в России, хотя и она имеет свою достаточно длительную историю в российской социальной мысли, в лице таких ее крупных представителей как М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин, такие социологи советского времени как В. А. Ядов или И. С. Кон. Именно эта концепция сегодня считается собственно научной, хотя более широкий взгляд на исторический контекст дискурса личности позволяет отметить, что и научный коммунизм в свое время считался единственно научным. В качестве субъекта социального действия в позитивистской концепции личность понимается как субъект мобильности, права на самоопределение [5, С. 7]. Упрощенно можно представить, что личность, попадая в социальное пространство, действует по пословице «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Это «лучше» может быть представлено как относительно

более обеспеченным благами социальным слоем, так и более удобным месторасположением. Как объект социального воздействия личность социализируется через образование, отсюда такой бум развития высшей школы в современной России. Образование при этом понимается как инструмент для возможности мобильности в социальном пространстве, как формирование у личности установки на успешное нахождение своего места. Способом связи личности и общества в этой концепции считается инновационность и способность инвестировать, в более широком смысле - инициатива, креативность. Также как добродетельность приводит личность к своему духовному отцу, трудовой подвиг – в свой коллектив, так и инициативность приводит личность к своему бизнесу. Социология предпринимательства, социология инноваций сегодня становится столь же актуальной как в советское время теория социалистического труда, а в дореволюционное – учение о добродетели и жития Святых. Целеполагание социальной практики также вполне логично понимается как достижение высокого места в рейтинге мировых экономик.

После распада СССР специфические социальные практики, поддерживающие трудовую связь личности и общества во многом были утрачены. В новой постсоветской России поиск социальных императивов логично сосредоточить в социальных феноменах, связанных с производством, обменом, распределением информации. Сегодня ряд исследователей выделяют в качестве такого феномена известность личности, при этом отмечая, что личная известность принадлежит только определенной, конкретной личности и, в отличие от богатства, престижа, власти не транспортируется в виде обезличенных социальных статусов. «Богатство, титул, власть можно передать другому в полном объеме. Но невозможно кому-то отдать, продать, завещать славу великого ученого, писателя или актера, она принадлежит только конкретной личности»[6;101].

Л. Е. Гринин, защищая тезис об известности как основании социальной стратификации, определяет известность как информацию о человеке (группе, объекте), которая выделяет его – в отношении распространенности информации о нем или в каких-то других смыслах – из общего ряда людей (групп, объектов), обладающих аналогичными профессиональными и/или социальными качествами [6;100]. Кроме того, автор выделяет понятие славы как высокой степени известности [6;100]. В отношении известности личности также употребляется целый ряд других терминов: икона, звезда, персональный бренд, имидж, имиджевый капитал, жизненный автопроект. Сегодня довольно развита индустрия услуг консультирования по имиджу и стилю, а также по маркетингу и PR обслуживанию конкретных персон. Таким образом, очевидно, что достижение известности приобрело социальную значимость и собственные каналы достижения. Но для социологического анализа личной известности необходимо объяснение и понимание именно социальной стороны этого явления. Императивы аскетизма и труда достаточно логично связывают личность любого члена общества и общества в целом, обладая очевидной полезностью для общества и возможностью достижения для каждой личности. Система ценностей, представленная в императивах аскетизма и труда вполне логично лежит в основе основных социальных институтов – религии, производства, семьи и брака, государства, образования.

Как же достижение личной известности связано с социальной структурой и ее функционированием? Представляется, что тут можно допустить достаточно смелую идею, выдвинутую, в частности, Д. С. Фединым [7] об институционализации личностного бытия в современном обществе. На первый взгляд, это парадоксальное явление – социальный институт по определению является надличностной структурой, но в том то и дело, что в современном обществе известная личность приобретает своего рода надличностную оболочку, которую можно назвать социальным институтом личности. Социальный институт всегда строится на нормативно-ролевом взаимодействии тут исследователя данной проблемы ждет очередная логическая ловушка. На первый взгляд известная личность взаимодействует с публикой, аудиторией, но ролевое взаимодействие должно быть внутри социального института. И действительно, в том то и новизна личной известности в современном мире, что эта известность становится продуктом внутреннего взаимодействия,

причем взаимодействия целенаправленного, между личностью как «эго» и личностью как персональным брендом. Это взаимодействие взаимное и технологии достижения личной известности описывают его именно как формирование бренда с учетом особенностей личности с одной стороны и, как изменение характеристик личности как «эго», в связи с необходимостью демонстрации персонального бренда с другой стороны. Таким образом, на обоих полюсах ролевого взаимодействия оказывается одна и та же личность, но в разных социальных ролях – роли себя реального и роли своего бренда. Нормой такого ролевого взаимодействия является постоянное взаимное приспособление, принятие «эго» и бренда. Специалисты отмечают, что один персональный бренд живет около 5-7 лет и далее нуждается в обновлении, но обновление это должно иметь логическую связь со всеми предыдущими проектами, которую обеспечивает именно реальное «эго» личности. Имидж, стиль, ник, фото-портфолио в таком случае выступают символами личности, подобно тому как логотипы и товарные знаки выполняют символические роли в производственных институтах. Личность как любой социальный институт обрастает собственной инфраструктурой, обеспечивающей его функционирование. В данном случае, это в первую очередь носители информации о личности – странички в социальных сетях, персональные сайты, интервью и фоторепортажи в глянцевых журналах, телевизионных программах и т.п.

Опрос респондентов, родившихся после 1990 г., то есть выросших уже в постсоветской России показал, что все они назвали в качестве современного социального императива настойчивость (напористость, активность, энергичность и т.п.). При этом императив трудолюбия сохраняется, но его формулировка трансформируется в трудоспособность, то есть качество, которое выражает не отношение к труду, а возможность много трудиться. Далее, назывались такие качества как цинизм, хитрость; коммуникабельность, креативность. Таким образом, императивы, основанные на христианских ценностях, и бывшие основанием классических социальных институтов, уходят в прошлое, а качества, которые были названы респондентами вполне соответствуют институционализации личной известности.

Список литературы:

1. Тоффлер Элвин. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 261 с.
2. Брянчанинов И. Аскетические опыты. – М.: Сретенский монастырь, 1998. 570 с.
3. Бердяев Н. В. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. С.86-140.
4. Снастин В. И. Коммунизм и личность, М. - Изд-во политической литературы, 1965, 64 с.
5. Ковалевский М.М. Учение о личных правах, М. - Издание В.М. Саблина, 1905, 42 с.
6. Гринин Л.Е. Психология и социология феномена славы// Историческая психология и социология истории. - Том 3, номер 2 / 2010.- С. 101.
7. Федин Д.С. Институционализация личностного бытия в обществе риска//Автореферат диссертации на соискание звания кандидата философских наук.- Саратов. – 2013. 22 с.

УДК 373.2

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД РЕФОРМ

Мансуров Валерий Андреевич

*доктор философских наук, профессор, зам. директора
Института социологии РАН, Москва*

Юрченко Олеся Викторовна

*кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии РАН*

PRESCHOOL EDUCATION IN THE REFORMS

Mansurov Valery Andreevich,

Doctor of Science, Professor,